

Как трое «главных» изменили отечественную журналистику



Леонид Млечин

Хороший главный редактор – маньяк. Он постоянно думает о своей газете. Ей подчинены его мысли и действия. И честолюбец! Без амбиций мечта обставить коллег и сделать свою газету лучшей никогда не сбудется. И властный человек! Уверенность в себе – знаешь, что ты лучший – избавляет от ревности и зависти к талантам сотрудников, помогает сформировать сильную команду и терпеть несносный характер звезд.

Хороший главный понимает, что его работа – это миссия: он один может помочь отчаявшимся, попавшим в безнадежное положение людям в противостоянии с бездушной системой.

Три главных редактора, утвержденные ЦК ВЛКСМ, сменяя друг друга, изменили отечественную журналистику.

Алексей Аджубей

На отделение журналистики филологического факультета МГУ Алексей Аджубей перевелся из Школы-студии Художественного театра. Веселый, обаятельный, компанейский, артистичный. В него влюбилась юная Рада Хрущева, дочь первого секретаря ЦК

Компартии Украины.

Ходила тогда такая шутка: «Не имей сто друзей, а женись, как Аджубей». Шутка не имела отношения к реальности. Они родили троих детей и хранили прекрасные отношения, пока были вместе на этой земле. Алексей Иванович ласково и нежно относился к жене. Рада Никитична стала ему надежной опорой в трудные годы.

Рада Хрущева всегда держалась очень скромно и достойно. Никто бы и не подумал, что она дочь хозяина страны. Получила второе образование – окончила биологический факультет МГУ – и всю жизнь работала в журнале «Наука и жизнь».

Алексей Аджубей был прирожденным газетчиком и все свои должности занимал по праву. Как выразилась одна его сотрудница, «он любил газету, как женщину». Другое дело, что, не будь он зятем Хрущева, едва ли его карьера оказалась бы такой быстрой. Руководители комсомола, с которыми он был на «ты», поставили Аджубея во главе газеты. Прочный тыл позволял Аджубею делать то, что непозволительно было другим. Он мог позвонить тестю и по-домашнему представиться: «Никита Сергеевич, это Алеша».

Присутствовавшие при разговоре испытывали непреодолимое желание встать и вытянуться в струнку. Конечно, такой звонок решал вопрос, который остальным был не по зубам. Но очень многое Аджубей делал на свой страх и риск. Хрущев одобрял отнюдь не все новации своего зятя. Некоторые члены президиума ЦК, возмущившись очередным номером «Комсомолки», снимали трубку вертушки и звонили главному редактору:

– В чьих интересах вы напечатали статью в сегодняшнем номере?

Алексей Иванович не знал, что последует за этим выговором: не позвонит ли разгневанный партийный вождь самому Хрущеву? И не разозлится ли Никита Сергеевич на своевольного зятя, который создает ему лишние проблемы? Но у Аджубея было преимущество: он знал, как Хрущев относится к тому или иному чиновнику, поэтому на злой вопрос мог уверенно и даже с вызовом ответить:

– Эта статья опубликована в интересах советской власти.
И собеседнику оставалось только в сердцах бросить трубку вертушки.

Когда Хрущева сняли в октябре 1964 года, Аджубей остался без работы. Месяц он сидел дома, ожидая решения своей судьбы. Место ему подыскали крайне незавидное – в журнале «Советский Союз», где он прозябал до самой перестройки. Ему даже запретили печататься под своей фамилией.



Юрий Воронов

Юрий Воронова мальчиком в блокадном Ленинграде хоронил тех, кого спасти оказалось невозможным. Ему принадлежат знаменитые стихотворные строки:

*Нам в сорок третьем выдали медали,
И только в сорок пятом паспорта.*

Воронова действительно наградили медалью «За оборону Ленинграда». Он работал в ленинградской молодежной газете «Смена». В двадцать пять лет его взяли в «Комсомолку» заместителем главного редактора. Когда в 1959 году Аджубей перешел в «Известия», Воронов сменил его на посту главного редактора «Комсомольской правды».

В июне 1965 года Воронов опубликовал невиданно резкую статью писателя Аркадия Сахнина «В рейсе и после», который расписал художества обласканного властью генерального капитан-директора Одесской китобойной флотилии Героя Социалистического Труда

Алексея Соляника. Из статьи следовало, что Соляник – и самодур, и хам, и занимался фантастическими по тем временам махинациями.

Флотилия Соляника была приписана к Одессе. Руководство Украины возмутилось, потребовало наказать газету. Председатель президиума Верховного совета Украины Демьян Коротченко твердо сказал: «Статья лживая. В обиду мы Соляника не дадим». В Москве за Соляника вступился самый влиятельный выходец с Украины – член президиума ЦК Николай Подгорный. Но отдел пропаганды ЦК, которым руководил Александр Яковлев, встал на сторону газеты: статья правильная.

Первый заместитель председателя партийной комиссии ЦК Зиновий Сердюк, в прошлом секретарь Компартии Украины, не любил киевское начальство, поэтому распорядился все проверить. Ответственный контролер парткомиссии Самойло Вологжанин выяснил, что Соляник присваивал деньги, которые выделялись ему на закупку продовольствия для моряков. Зато щедро оделял подарками сильных мира сего. Поэтому покровителей у него оказалось предостаточно. Вологжанин представил соответствующую справку Сердюку. Сердюк ее подписал. Он понимал, какими будут последствия. Ему стало плохо, его уложили на диван, дали валидол.

Вопрос обсуждался на секретариате ЦК. Председательствовал второй человек в партии Михаил Суслов. Соляник уверенно говорил, что статья в «Комсомолке» – клевета, подрыв авторитета руководства, оскорбление коллектива... Требовал наказать газету и тех, кто ее поддерживает. Открылась дверь, и появился Брежнев. Он никогда не приходил на заседания секретариата – не его уровень. Присутствующим стало ясно, что генеральный секретарь пришел спасать Соляника. Известно было, что у Брежнева особо тесные отношения с украинским руководством.

Все выступавшие осудили выступление газеты и поддержали Соляника. Пока слово не взял член политбюро Александр Шелепин, бывший руководитель комсомола:

– Никто не затрагивал главного вопроса: а правильно в статье изложены факты или неправильно? Если неправильно, давайте накажем главного редактора. А если факты правильные, то давайте спросим у товарища Соляника: в состоянии он руководить делом или нет? У него во флотилии самоубийство, незаконные бригады...

Шелепин искренне ненавидел коррупцию и бюрократизм. После его слов Брежнев не рискнул выступить в защиту Соляника.

В «Комсомольской правде» торжествовали победу. Поспешили. Воронова сослали корреспондентом «Правды» в Берлин. Из ссылки его вернул Горбачев и назначил заведующим отделом культуры ЦК, потом сделал главным в «Литературной газете». Воронова сопровождала репутация смелого, даже отчаянного редактора. Но литгазетовцы были разочарованы. Воронов оказался крайне осторожным. Видимо, годы опалы оставили след. Журналисту, потребовавшему объяснений, почему снята его статья, Воронов снисходительно сказал:

– Вы этого, разумеется, не можете знать. Но я-то точно знаю, что именно каждый из членов политбюро может вычитать в этой статье...

Борис Панкин

А «Комсомолке» повезло: после Воронова главным назначили Бориса Панкина. Он умудрялся ладить с партийным и комсомольским начальством и делать интересную газету в самые трудные времена. «Комсомольская правда» под его руководством, оставаясь органом такой идеологически косной организации, как ЦК ВЛКСМ, одновременно ходила в коллективных диссидентах, отваживалась проводить собственную линию и распространяла среди читателей дух вольнодумства. В те годы в «Комсомолке» собралась целая плеяда талантливейших журналистов.

– Когда в те годы с гордостью говорили: «Мы все из комсомола!»
– вспоминал Панкин, я поправлял: «Извините, я из

«Комсомольской правды». Хотя должен сказать, что люди, с которыми работал в комсомоле и к которым относился пренебрежительно, в дальнейшем оказывались куда порядочнее некоторых моих соратников и воспитанников.

– Какими же качествами надо было обладать, чтобы делать острую газету и при этом ладить с ЦК комсомола?

– Я с ними не ладил, я с ними заседал. Иногда благодаря моему присутствию мнения раскалывались. А вообще-то за время работы я получил строгий выговор от ЦК КПСС и строгий выговор от ЦК ВЛКСМ. Бывало, мои собственные статьи снимали с номера. Ничего, мы не пугались, а иногда и выходили победителями.

Либерал по взглядам, Панкин был человеком с высоко поднятой головой, выпяченным вперед подбородком, жестким взглядом и уверенным голосом.

– Как говорит мой любимый герой, «ввяжись в драку, а там видно будет», – вспоминал Панкин. – И я в эту драку постоянно ввязывался. А коллектив такой в «Комсомолке» был, что пойти против диссидентски настроенного коллектива страшнее, чем проехать по начальству. Когда прыгал с парашютом, надо было выйти на крыло – поджилки, ясное дело, трясутся. Но мне не так страшно было разбиться, как опозориться перед товарищами. Прыгнул. И все нормально. Это чувство со мной всю жизнь.

В 1973 году Панкин ушел из «Комсомолки», чтобы стать председателем Всесоюзного агентства по авторским правам. Это был министерский пост, а он человек честолюбивый. Это была самостоятельная работа, а он человек властный, не любящий подчиняться. Потом он стал послом, в 1991-м – министром иностранных дел СССР. А золотой век газеты завершился.

The logo consists of the letters 'MKRU' in a stylized, bold font. The 'M' and 'K' are in blue, the 'R' is in red, and the 'U' is in blue. The letters are slightly shadowed, giving them a 3D appearance.

Леонид Млечин